

ОБЫЧНО бывает так: когда фильм только запущен, журналисты берут у авторов интервью, во время съемок — пишут репортажи, а когда лента появляется на экране, приходит время рецензии. Мы нарушили эти традиции, решив взять интервью у режиссера Л. Гайдая после того как фильм «Двенадцать стульев» уже пошел в кинотеатрах страны...

СОРОК

Когда Гайдай на съемочной площадке, здесь царит атмосфера веселья, розыгрыша, шутки. Режиссер первый смеется удачной находке актера, непосредственно, как самый заинтересованный зритель, реагирует на каждый трюк.

Если бы кто-нибудь догадался снимать съемки «Двенадцати стульев», получилась бы интересная лента. В нее вошел бы, например, эпи-

зод в дворничкой, когда, отяжелевший от беспробудного пьянства, Тихон — Ю. Никулин с усилием, двумя руками подымает веки, чтобы еще разок взглянуть на перекрашенную барина. Случайная актерская находка, маленькая деталь, но из таких «мелочей» складывается веселость фильма.

Наверное, интересно было наблюдать за съемкой эпизода в Нью-

Васюках. (Это происходило под Горьким, в Рабочем поселке). Киса Воробьянинов ходит по городу и расклеивает афиши о лекции и сеансе одновременной шахматной игры на ста досках. А вслед за ним, как написано в романе, идет коза и съедает эти афиши. Достал козу. Пригласили дрессировщика, чтобы научил ее есть бумагу. Начали снимать. Киса прекрасно клеит афишу,

а коза ее есть не хочет. Не хочет — и все тут. Как всегда во время съемок, собралась толпа народа. Смеются, помогают советами. А коза на в какую. Вдруг одна женщина и говорит: «Сюда бы мою Машку, она бы вам винт все афиши поела. Страсть как бумагу любит».

Ну, Гайдай, конечно, сразу: «Ведите сюда эту Машку». Машка блестяще справилась с ролью, а дрессировщика тут же уволили...

Интересны рассказы Л. Гайдая об экспедиции киоупросты: ведь съёмочный коллектив прошел по стране тем же путем, что и Остап с Кисой.

— Мы имели удивительную возможность сравнить нынешнюю жизнь этих мест с той, о которой писали авторы романа, — говорит Л. Гайдай. — Это могло бы стать сюжетом самостоятельного фильма. Ну, разумеется, мы стали свидетелями гигантских шагов прогресса во всех областях жизни и деятельности человека. Нам мешали снимать картину и лас телевизионных антенн, и величественные новые здания жилых домов, корпуса фабрик и заводов, и мелькающие по Волге «Метеоры» и «Ракеты». От идиллической, прежней Волги осталось совсем

немного — вся река перерезана плотинами, шлюзами, водохранилищами. Изменились и Пятигорск, и Военно-Грузинская дорога, и село Бармино, где была первая остановка тиражного парохода.

А сколько мы искали колесный пароход!

Но кова-что со времен Ильфа и Петрова осталось неизменным. И это вселило в нас еще большую уверенность в необходимости фильма «Двенадцать стульев». Знаменитый вид на малахитовую лужу пятигорского «Провала», которым торговал когда-то Остап, город и сейчас, правда, не обложил данью. За осмотр его с туристов денег не берут. Неловко идти путем великого комбинатора. Больше того, видимо, прислушавшись к мнению Бендера, «Провал» отремонтировали, «чтобы не очень проваливался» — и нам вместо него пришлось снимать достаточно запущенный «Грот Лермонтова». Но сколько же мы встретили достопримечательностей, около которых водружена неизменная надпись: «Плата за вход 20 коп.»!

Мы вспоминали роман и когда ехали по Военно-Грузинской дороге и на каждом камне, на каждом уступе скалы видели памятные надписи жизнерадостных путешественников, вроде той, что поразила Остапа: «Коля и Миша, июль, 1914 г.». Соответственно, даты новых надписей приближались к нынешнему времени.

А сколько на нашем пути встретилось халтурных концертных

СТУЛЬЕВ

бригад — и не счесть. Перед нами, оснащенными современной техникой и мандатами гастрольных организаций, театр «Колумб» кажется невинной детской забавой. Кстати говоря, Ник./Сестринские варианты спектаклей русской и зарубежной классики тоже не такое уж прошлое. Есть еще и стихи М. Шершеляфамова, и лит-монтаж И. Антиохийского, и музы-

ЛЕОНИДА

кальное оформление на кружках Эйсмарха.

...Леонид Гайдай рассказывает, сидя на старинном стуле мастера Гамбса с гнутой спинкой и штофной обивкой.

— Я сохранил этот стул на память о съемках. Второй — у нашего оператора.

— А всего их было двенадцать?

— Никак нет — сорок. Вспом-

ГАЙДАЯ

ните, сколько их порубили, поломали, испорили охотники за бриллиантами. Нужно было предусмотреть возможность дублей.

— Где же набрали столько мебели?

— О, это была целая история. По всей Москве искали старинный гамбсовский стул. Нашли в тихом арбатском переулке старушку, у которой чудом сохранился один такой экземпляр. Прямо как в романе. Мой ассистент воскликнул вслед за Бендером: «Гениальная комбинация, блестяще проведенная до конца! Античное приключение! Одним словом, высокий класс!». Еле уговорили старушку продать студии этот стул. Помнили, что, по заветам Остапа, «красть грешно». А потом металась по мебельным фабрикам, чтобы заказать по этому образцу остальные. И, представьте себе, никто не брался. Утраченное, говорят, искусство! Одним словом, заказали мы стулья в Объединенной Арабской Республике. Представляете, как обидно было смотреть, когда Киса, Остап и отец Федор безжалостно рубили нашу мебель?

Е. СЕМЕНОВ.